

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга шестая. Ледяной рубеж



Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга шестая.
Ледяной рубеж

«Автор»

2026

Кошечкин В.

Ковчег. Книга шестая. Ледяной рубеж / В. Кошечкин — «Автор», 2026

ЛЕДЯНОЙ РУБЕЖ Тень не сломлен. На берегах Байкала он собрал трёхтысячную армию из «гиен», восточных племён и порождений Сущности. В день зимнего солнцестояния он откроет Врата — и мир погибнет. Константин ведёт в последний поход всех, кто готов сражаться. Алтайская конница, архангельские стрелки, бурятские ополченцы и железная Орда Хана — две с половиной тысячи против трёх. Их путь лежит через ледяные пустыни, где мороз убивает быстрее пули. Их ждёт битва, какой не видел этот мир со времён падения старого. Но главное сражение развернётся в сердце Алисы. Она носит под сердцем новую жизнь — и она же должна активировать Камни Порога, чтобы запереть Врата навсегда. Тень ждёт. Лёд трещит. И только любовь способна противостоять тьме, которая древнее самой земли.

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга шестая. Ледяной рубеж

Книга VI. ЛЕДЯНОЙ РУБЕЖ

Пролог. Глазами Тени

«Они думают, что победили меня. Они думают, что Камни Порога — это конец. Но Камни — это лишь ключи. А ключи можно украсть. Можно сломать. Можно сделать новые. Всё, что создано людьми, можно обратить против них. Даже любовь».

Байкал не спал.

Огромное озеро, простёршееся на сотни километров среди гор, дышало. Его дыхание было медленным, глубинным, как биение сердца древнего зверя, который дремал под толщей воды уже тысячи лет. Лёд, сковавший поверхность, был не белёсым, как обычный зимний лёд, а зеленоватым — словно под ним, в чёрной бездне, горел призрачный свет. И этот свет пульсировал. Медленно, ритмично, в такт неслышной музыке.

На берегу, у самого уреза воды, стоял человек. Он был высок и неестественно худ — его фигура, закутанная в длинный плащ из грубой чёрной ткани, казалась почти бесплотной. Ветер, холодный и резкий, трепал полы плаща, но человек не двигался. Он смотрел на лёд. На свет, который пульсировал под ним.

Тень.

Он больше не носил противогаз. Его лицо — обожжённое, с сеткой чёрных прожилок, расходящихся от глаз, — было обращено к озеру. Он улыбался. Улыбка была кривой, мучительной — словно мышцы лица разучились двигаться правильно, — но в ней читалось торжество.

— Ты зовёшь меня, — произнёс он, и его голос, хриплый и низкий, разнёсся над водой. — Я слышу. Я всегда слышал.

За его спиной, на склоне холма, раскинулся лагерь. Тысячи костров горели в темноте, отражаясь в глади озера мириадами искр. Тысячи палаток, землянок, шалашей — целый город, выросший за несколько месяцев. В нём жили, спали, ели, точили оружие, молились. В нём гудели голоса, плакали дети, бряцали доспехи. Это была армия. Трёхтысячная армия, собранная со всех концов разрушенной земли.

Здесь были мародёры, привлечённые обещанием добычи. Здесь были «гиены» — те, кто когда-то служил Быку, а после его гибели разбрелись по степям и теперь нашли нового хозяина. Здесь были целые племена с востока — буряты, эвенки, якуты, — которые признали Тень своим вождём. Кто-то пришёл добровольно, поверив его словам о «новом порядке». Кого-то привели силой. Но все они теперь были частью его войска. Частью его плана.

А над лагерем, на высоких шестах, развевались чёрные флаги с изображением глаза, из которого вытекала зеленоватая слеза. Символ Сущности. Символ Тени.

Он стоял и смотрел на озеро, и в его голове звучал голос. Тот самый, который он впервые услышал много лет назад, в пещере под Дербентом. Тогда он был человеком. Тогда его звали Даниил. Тогда он любил, страдал, надеялся. Теперь от того человека ничего не осталось — только имя, которое он почти забыл.

«Ты готов», — произнесла Сущность. Её голос был не звуком — ощущением. Холодом, который разливался по позвоночнику. Дрожью, которая зарождалась где-то в глубине груди.

— Готов, — ответил Тень. — Армия ждёт приказа. Камни Порога у Седого, но я знаю, как их обойти.

«Камни — это лишь ключи. Ты сам — ключ. Ты был им с того дня, как заключил сделку».

— Я помню. — Тень коснулся своей груди — туда, где под одеждой пульсировал зеленоватый свет. Его сердце. Вернее, то, во что оно превратилось за эти годы. — Я отдал тебе всё. Мою любовь. Мою жизнь. Мою душу. Что ещё ты хочешь?

«Последнюю жертву. Ту, что откроет Врата навсегда».

Тень долго молчал. Ветер трепал его волосы — седые, редкие, выпадающие клочьями. Он думал о Седом. О том, как тот стоял перед ним в монастыре Лунг-Гомпа — прямой, негибаемый, готовый умереть за своих. О том, как Алиса воскресила его. О том, что он увидел тогда: любовь, которая оказалась сильнее смерти.

Этого он не мог понять. Этого он не мог простить.

— Я сделаю это, — произнёс он. — Я отдам последнюю жертву. Но не просто так. Седой будет стоять передо мной, когда Врата откроются. Он увидит, как рушится всё, что он построил. Он увидит, как его люди умирают. Он увидит, как его женщина становится моей. А потом — когда надежды больше не останется — я убью его. Медленно.

«Твоя ненависть ослепляет тебя».

— Ненависть — это всё, что у меня осталось, — ответил Тень.

Он развернулся и зашагал в лагерь. За его спиной, подо льдом Байкала, зеленоватый свет пульсировал всё быстрее. Врата ждали. И до зимнего солнцестояния оставалось два месяца.

В центре лагеря, на небольшом возвышении, стоял шатёр Тени — огромный, из чёрной ткани, усиленной костяными пластинами. Внутри было темно, лишь несколько масляных ламп отбрасывали тусклый свет на стол, заваленный картами, и на фигуры, ожидавшие его.

Их было трое.

Первый — Караган, командующий «гиенами». Он был низкорослым, коренастым, с бычьей шеей и руками, покрытыми запёкшейся кровью. Его кожа была покрыта ритуальными

шрамами — он наносил их сам, посвящая каждую победу Сущности. Глаза, маленькие и злые, смотрели на мир с выражением вечного голода. Он не носил доспехов — только кожаную безрукавку, несмотря на холод. Его «гиены» — полторы тысячи головорезов — были самой дикой частью армии Тени.

Второй — Субедей, вождь восточных племён. Он был высок, худощав, с длинными чёрными волосами, заплетёнными в косу, и плоским скуластым лицом, на котором застыло выражение фанатичной преданности. Его народ — буряты и эвенки — признал Тень не из страха, а из веры. Субедей верил, что Сущность — это древний дух Байкала, который требует почитания. Тень для него был не командиром, а пророком. И он был готов вести своих воинов на смерть за этого пророка.

Третьей была женщина. Моргана. Она стояла в тени, и её лица почти не было видно. Только глаза — зеленоватые, как у самого Тени, — светились в полумраке. Она была одной из «детей бездны», но не такой, как остальные. В ней осталось что-то человеческое. Что-то, что Тень сумел сохранить, когда переделывал её. Она была его правой рукой, его тенью в прямом смысле слова. И она была единственной, кому он доверял.

— Докладывайте, — произнёс Тень, входя в шатёр.

Караган хмыкнул и ткнул пальцем в карту:

— Разведка вернулась с юга. Хан и Седой заключили перемирие. Более того — они готовят совместный поход. По нашим данным, Хан выставляет около тысячи бойцов. У Седого — ещё пятьсот. Плюс алтайцы, плюс какие-то северяне. Итого — две тысячи, может, чуть больше.

— Две тысячи, — повторил Тень. — Против трёх.

— Против трёх, — подтвердил Караган. — Но у них есть Камни Порога. И у них есть она. — Он кивнул в темноту, где стояла Моргана. — Женщина Седого. Которая связана с Вратами.

— Я знаю, — сказал Тень.

— Она опасна. Она может закрыть Врата до того, как мы откроем их.

— Она не успеет. — Тень склонился над картой. — Мы встретим их здесь. — Его палец упёрся в точку на западном берегу Байкала. — У переправы. Лёд ещё тонок. Если они попытаются перейти, мы утопим их. Если нет — мы ударим первыми.

Субедей покачал головой:

— Мои воины не пойдут в бой во время бурана. Духи не одобряют.

— Твои духи — ничто перед Сущностью, — резко ответил Тень. — Ты приведёшь своих воинов, Субедей. Или я найду другого вождя.

Повисла пауза. Субедей смотрел на Тень, и в его глазах боролись страх и гордость. Потом он опустил голову:

— Я приведу.

— Хорошо. — Тень выпрямился. — Готовьтесь. До солнцестояния — два месяца. За это время мы должны укрепить переправу, выставить дозоры и ждать. Седой сам придёт к нам. Он не сможет остаться в стороне. Он слишком... правильный.

Караган усмехнулся:

— Правильные умирают первыми.

— Да, — согласился Тень. — Но этот — нет. Этот умирал уже дважды, и оба раза возвращался. В третий раз он не вернётся. Я позабочусь об этом лично.

Он повернулся к Моргане, которая всё это время стояла молча.

— Ты знаешь свою задачу?

— Да, господин. — Её голос был тихим, почти шёпотом. — Я найду женщину Седого. И я приведу её к тебе.

— Не просто найдёшь. Ты войдёшь к ним в доверие. Ты станешь одной из них. А когда придёт время — ты ударишь. Изнутри.

Моргана поклонилась и исчезла в темноте, словно её и не было.

Тень остался один. Он стоял над картой, глядя на точку, где должен был решиться исход войны. Он думал о Седом. О том, как они встретятся в последний раз. О том, что он скажет ему перед смертью. О том, что он сделает с его женщиной. С его городом. С его миром.

Он не знал, что в этот самый момент в далёком Новом Ковчеге Константин тоже стоял над картой и тоже думал о нём. Он не знал, что гонцы уже скачут во все концы — на Алтай, на север, в земли Хана, — собирая армию. Он не знал, что Алиса, лёжа без сна, прижимает ладонь к животу и думает о том, что ещё не сказала мужу.

Но он знал одно: грядёт последняя битва. И он в ней победит. Потому что иначе быть не может. Потому что он — Тень. Потому что он отдал за эту победу всё, что у него было.

И потому что ему больше нечего терять.

Глава 1. Город накануне

«Война — это не только бой. Это ожидание боя. Долгие дни, когда ничего не происходит, но воздух уже дрожит от напряжения. Когда каждое утро ты просыпаешься и думаешь: сегодня? И каждую ночь засыпаешь с мыслью: завтра. И эта неизвестность выматывает сильнее, чем любой марш-бросок».

Новый Ковчег готовился к войне.

Это чувствовалось во всём — в гуле кузниц, не умолкавших даже ночью, в стуке топоров на лесопилке, в скрипе телег, подвозивших к стенам камни и брёвна для новых укреплений. Город, выросший из маленького лагеря беженцев, теперь был похож на разворошённый муравейник. Люди двигались быстро, целенаправленно, без суеты — каждый знал своё дело и делал его. Женщины сортировали бинты и корпию в лазарете. Старики, не способные держать оружие, плели верёвки, смолили факелы, чинили упряжь. Дети, даже самые младшие, таскали воду, собирали щепки для растопки, помогали в меру сил. Никто не сидел без дела. Никто не жаловался.

Потому что все знали: Тень собирает армию. И эта армия скоро двинется на них.

Андрей стоял на южной стене — той самой, что была восстановлена после битвы с Ханом, — и смотрел на море. Утро выдалось серым и промозглым. Низкие тучи, набухшие влагой, ползли над водой, цепляясь за верхушки скал. Ветер дул с севера, холодный и резкий, и в нём уже чувствовался привкус близкой зимы. Андрей кутался в старый армейский плащ, но холод пробирался под одежду, заставляя ёжиться.

Рядом с ним, опираясь на посох, стоял Дедушка. Платон Сергеевич за последний год сильно сдал: кожа на его лице стала тонкой, как пергамент, а руки, когда-то уверенно державшие чертежи и инструменты, теперь дрожали. Но взгляд его, ясный и цепкий, смотрел на мир всё с тем же острым интересом. Он не мог работать в кузнице — возраст и болезни взяли своё, — но его ум оставался острее бритвы. И сейчас, глядя на море, он просчитывал что-то, ведомое только ему.

— Два месяца, — произнёс Дедушка. — Может, меньше.

— Думаешь, они ударят до солнцестояния? — спросил Андрей.

— Нет. Тень привязан к этому сроку. Его сила зависит от Врат, а Врата открываются только в определённые дни. Но это не значит, что он будет ждать сложа руки. Он вышлет разведчиков. Диверсантов. Возможно, уже выслал. — Старик помолчал. — Ты заметил, что в городе стало слишком спокойно?

— Спокойно? — Андрей хмыкнул. — По-твоему, это спокойно? — Он обвёл рукой стену, где рабочие заделывали последние пробоины, кузницу, из трубы которой валил дым, плац, где Радим гонял конницу.

— Я не об этом. Люди работают. Это хорошо. Но я не слышу смеха. Не вижу улыбок. Даже дети притихли. Это плохо. Страх — он как ржавчина. Разъедает изнутри. Если мы не дадим людям надежду, они сломаются до того, как начнётся бой.

Андрей ничего не ответил. Он знал, что Дедушка прав. За те недели, что прошли после возвращения отряда из Тибета, город изменился. Новости о трёхтысячной армии Тени распространились быстро, и каждая новая деталь — а разведчики докладывали регулярно — была страшнее предыдущей. Слухи ползли по городу, обрастая подробностями: говорили, что Тень заключил союз с духами Байкала, что его воины не чувствуют боли, что он сам превратился в ледяного великана. Люди боялись. И этот страх, как яд, просачивался в каждую щель.

— Константин собирает совет через час, — сказал Андрей. — Там будут Хан, Айдар, Зоя — все, кто откликнулся. Может, это поднимет дух.

— Может, — согласился Дедушка. — А может, наоборот. Когда люди видят, сколько вождей собралось в одном месте, они понимают: опасность реальна.

В лазарете, как всегда, пахло травами и карболкой. Вера, склонившись над столом, перебирала пучки сушёной ромашки — той самой, что когда-то привезла Зоя с севера. Её движения были точны и экономны, но мысли витали далеко.

Ей недавно исполнилось тридцать пять. Здесь, в новом мире, она чувствовала себя старой. Не телом — тело её было крепким, закалённым годами работы и лишений. Душой. Слишком много смертей она видела. Слишком много ран перевязала. Слишком много писем продиктовала для тех, кто уже не мог говорить.

Дверь скрипнула. В лазарет вошла Марина — всё такая же прямая, строгая, с неизменным пучком седых волос на затылке. В руках она держала корзину с чистыми бинтами.

— Я принесла, что ты просила, — сказала она, ставя корзину на стол. — Ещё три десятка. Больше пока нет — ткань кончается.

— Спасибо, — ответила Вера, не поднимая глаз. — Пока хватит.

— Ты опять не спала? — Марина присела на табурет напротив. — Вера, ты себя загонишь. У тебя дочь маленькая, Андрей места себе не находит. А ты...

— Я нужна здесь, — резко ответила Вера, и в её голосе прозвучала сталь. — Через месяц здесь будут сотни раненых. Если мы не подготовимся, они умрут. Все, кого мы можем спасти, — умрут. Я не могу допустить этого.

Марина помолчала. Она знала этот тон. Знала, что спорить бесполезно. Но она также знала, что за этой сталью прячется что-то ещё.

— Ты боишься, — тихо сказала она. — Не за них. За него.

Вера замерла. Пучок ромашки выпал из её пальцев и рассыпался по столу.

— Андрей рвётся в бой, — прошептала она. — Он хочет идти с армией. Он говорит, что его место на передовой. А я... я не могу его отпустить. Не после того, что мы пережили. Не после того, как у нас появилась Настенька.

— Ты говорила с ним?

— Пыталась. Он слушает, кивает, а потом уходит на стену и стоит там до темноты. Он думает, что я не знаю. Но я всё знаю. Он винит себя за то, что не был в Тибете. За то, что не пошёл с Константином. Он считает, что должен искупить это.

— Это глупо, — резко сказала Марина. — Он был нужен здесь. Он и сейчас нужен здесь. Кто будет командовать гарнизоном, если все уйдут на Байкал?

— Вот именно. — Вера наконец подняла глаза. — Поэтому я иду на совет. Я скажу им. Андрей остаётся в Ковчеге. Константин поймёт.

Плац за южной стеной гудел. Радим, стоя в центре, наблюдал за учениями конницы, и его лицо, обычно спокойное, сейчас было мрачнее тучи.

Его всадники — те, кто выжил в предыдущих битвах, — были хороши. Лучшие из лучших. Но их было мало. Слишком мало для того, что предстояло.

Рядом с ним, опираясь на изогнутый клинок, стояла Зарина. Она тоже смотрела на всадников, и в её золотых глазах читалась та же тревога.

— Сколько у нас? — спросила она.

— Семьдесят. Может, восемьдесят, если считать алтайцев, которых приведёт Айдар. У Тени — в десять раз больше.

— Мы справлялись и не с таким соотношением.

— Справлялись, — согласился Радим. — Но тогда у нас было преимущество внезапности. Мы били из засады, мы использовали «Сирены», мы знали местность. Сейчас всё иначе. Тень ждёт нас. Он укрепился на Байкале. У него есть пушки, есть «глубинные», есть три тысячи бойцов. А у нас — горстка всадников и надежда на то, что Хан не ударит в спину.

— Хан не ударит.

— Ты уверена?

— Я говорила с ним. — Зарина помедлила. — Когда вы были в Тибете, я оставалась здесь и несколько раз встречалась с его посланцами. Он не тот, кем кажется. За всей этой жестокостью — сломленный человек. Он потерял всё. И теперь он хочет только одного: спасти то, что осталось. Он не предаст.

Радим посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, гордость.

— Ты стала дипломатом, — сказал он.

— Я стала женой, которая не хочет терять мужа в бою, — ответила она. — И я готова делать для этого всё, что угодно. Даже вести переговоры с бывшими врагами.

Радим обнял её — прямо там, на плацу, не стесняясь чужих взглядов. И она прижалась к нему, чувствуя, как сильно и ровно бьётся его сердце.

— Мы выживем, — сказал он. — Мы всегда выживаем.

— Я знаю, — ответила она. — Но иногда мне страшно.

— Мне тоже. Но мы справимся. Вместе.

В доме совета собирались люди. Это был уже не тот маленький зал, где когда-то сидели десяток старожиллов «Кедрового лога». Теперь здесь, за длинным столом, сколоченным из корабельных досок, собирались представители всех общин, примкнувших к Ковчегу за эти годы.

Константин сидел во главе стола. Его лицо, обветренное и тронутое шрамами, было спокойно, но те, кто знал его, видели: под этим спокойствием скрывается напряжение. Он не спал уже несколько ночей. Он думал. Просчитывал. Готовился.

Рядом с ним — Алиса. Она была бледна, но держалась прямо. В её изумрудных глазах горел тот самый огонь, который всегда появлялся перед битвой. Никто не знал, что она носит под сердцем новую жизнь. Она сама узнала об этом только вчера, когда Вера, осмотрев её после возвращения из Тибета, тихо сказала: «У тебя будет ребёнок. Месяца два, не больше. Береги себя». Алиса тогда ничего не ответила. Она просто кивнула и вышла из лазарета. А потом долго стояла у моря, глядя на волны, и думала. О том, что скажет Константину. О том, что не может сказать ему сейчас — не тогда, когда каждый его день заполнен подготовкой к войне. О том, что, возможно, не скажет до самого конца.

Напротив них сидел Хан. Его правая рука всё ещё висела на перевязи, но он держался с той же властной уверенностью, что и всегда. Рядом с ним — Бахтияр и двое старейшин Орды. Дальше — Айдар, в своей неизменной шерстяной рубахе, с серебряным амулетом на груди. Чегем и Алтынай, прибывшие с Алтая. Зоя, представлявшая северные общины. Радим и Зарина. Дедушка, сидевший в углу с неизменной тростью. Андрей и Вера. Кирилл, ещё бледный после ранения, но уже рвущийся в дело, и Юля, сидевшая рядом с ним.

— Начнём, — произнёс Константин, и в зале воцарилась тишина.

Он поднялся и обвёл взглядом собравшихся. Его голос, хрипловатый от усталости, звучал ровно и твёрдо.

— У нас есть подтверждённые данные. Армия Тени насчитывает около трёх тысяч бойцов. Они стоят лагерем на восточном берегу Байкала, у переправы. Укрепления возведены. Пушки установлены. «Детей бездны» — не меньше двух сотен. Кроме того, разведка докладывает о новом типе существ — «глубинных». Они выходят из озера по ночам. Они не чувствуют боли, не боятся огня, не реагируют на «Сирены». Мы не знаем, сколько их. Мы не знаем, как их убить.

— Отлично, — мрачно пробормотал Андрей. — Просто отлично.

— У Тени есть три командира, — продолжил Константин. — Караган — глава «тиен». Субедей — вождь восточных племён. И женщина по имени Моргана. О ней почти ничего не

известно, кроме того, что она — правая рука Тени и что она опаснее обоих мужчин вместе взятых.

— Женщина? — переспросила Зарина. — Что за женщина?

— Разведчики не смогли подобраться достаточно близко. Но говорят, что она носит чёрный плащ и что её глаза светятся.

— Ещё одна «дитя бездны», — сказала Алиса.

— Возможно. Но не такая, как остальные. Она разумна. Она командует. И она лично предана Тени.

Хан, слушавший молча, наконец заговорил:

— Мои разведчики принесли те же сведения. Но есть ещё кое-что. — Он сделал паузу. — Тень держит пленников. Много пленников. Их используют для каких-то ритуалов. Мы не знаем, для каких именно.

— Ритуалов? — нахмурился Айдар.

— Да. По ночам, когда луна встаёт над озером, оттуда доносится пение. Или что-то похожее. Мои люди говорят, что это звучит как молитва. Но не человеческая. Древняя.

Чегем, сидевший рядом с Алтынай, подался вперёд. Его тёмные глаза, спрятанные под нависшими веками, были мрачны.

— Это не молитва, — произнёс он. — Это заклинание. Сущность Байкала древнее той, что спала под Каспием. Она требует не просто жертв — она требует поклонения. Тень не просто открывает Врата. Он хочет разбудить её полностью. Сделать её своей союзницей. Или — стать ею.

— Что это значит? — спросил Радим.

— Это значит, что времени меньше, чем мы думали. Если Тень завершит ритуал до солнцестояния, Врата откроются раньше. Возможно, на неделю. Возможно, на две. Мы должны выступить немедленно.

В зале поднялся гул. Голоса смешались: кто-то говорил, что нужно идти прямо сейчас, кто-то — что армия ещё не готова, кто-то — что зима слишком сурова для перехода через Сибирь.

— Тихо! — Константин ударил ладонью по столу, и гул стих. — Мы выступим, как только будем готовы. Не раньше. Если мы пойдём неподготовленными, мы проиграем ещё до того, как достигнем Байкала. Но и медлить нельзя. Я объявляю общий сбор. Все, кто может держать оружие, — на плац. Все, кто может помочь в тылу, — в распоряжение Веры и Дедушки. Через неделю мы выступаем.

— А что с союзниками? — спросила Зоя. — Мои архангелы придут через пять дней. Двести бойцов. Ещё сто — из малых общин.

— Алтай выставит триста всадников, — сказал Айдар.

— Орда — пятьсот пехоты и сто конницы, — добавил Хан.

Константин кивнул.

— Итого — около полутора тысяч. Плюс наши пятьсот. Две тысячи. Против трёх. — Он обвёл взглядом зал. — Это лучшее соотношение, которое у нас было за всю войну с Тенью. Мы справлялись и с худшим. Справимся и сейчас.

Никто не возразил. Но тишина, повисшая в зале, была тяжёлой.

После совета, когда все разошлись, Константин и Алиса остались вдвоём в опустевшем зале. Лампа под потолком мерцала, и тени плясали на стенах.

— Ты что-то скрываешь, — сказал он, глядя ей в глаза. — Я вижу.

— Ничего, — ответила она. — Просто устала.

— Алиса. — Он взял её за руку. — Мы прошли через ад. Ты воскресила меня. После такого я научился видеть, когда ты лжёшь. Говори.

Она долго молчала. Её изумрудные глаза, обычно такие твёрдые, сейчас были полны слёз.

— Я не могу, — прошептала она. — Не сейчас. Ты должен думать о войне. О людях. О Тени. Если я скажу тебе, ты будешь отвлекаться. А это может стоить жизни. Твоей. Или чьей-то ещё.

— А если ты не скажешь, я буду отвлекаться ещё больше, потому что буду гадать, что с тобой.

Она покачала головой.

— После битвы. Я расскажу тебе всё после битвы. Обещаю.

Константин смотрел на неё. Он знал: спорить бесполезно. Его Бестия была упряма, как никто другой. И если она что-то решила, то не изменит своего решения.

— Хорошо, — сказал он. — Но знай: что бы это ни было, я всегда с тобой. Что бы ни случилось.

— Я знаю, — ответила она и прижалась к нему. — Именно поэтому я и не говорю.

Ночь опустилась на Ковчег. Город, уставший от дневных трудов, затихал. В домах гасли огни. Только на стенах, где стояли часовые, горели факелы да электрические лампы, питаемые генератором Дедушки.

Константин стоял на южной стене и смотрел на море. Тёмная вода, подёрнутая рябью, простиралась до горизонта. Где-то там, за морем, лежали земли Хана. А ещё дальше — Байкал, где Тень собирал свою армию.

— Не спится? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. К нему поднимался Кирилл. Молодой инженер всё ещё заметно прихрамывал после ранения, но держался бодро.

— Не спится, — согласился Константин. — А ты что здесь делаешь? Тебе бы отдыхать.

— Я уже отдохнул. — Кирилл встал рядом и тоже посмотрел на море. — Знаете, о чём я думаю? О том, что мы делаем то, чего никто не делал со времён падения старого мира. Мы собираем армию. Настоящую армию. Алтай, Орда, северяне, добровольцы — все идут под одним флагом. Вашим флагом. Это как в легендах.

— В легендах всё красиво, — ответил Константин. — А в реальности будет кровь и смерть.

— Я знаю. Но всё равно. То, что мы делаем, — важно. Даже если мы проиграем, те, кто придёт после нас, будут знать: мы сражались. Мы не сдались.

Константин положил руку ему на плечо.

— Ты вырос, Кирилл. Из мальчишки, который боялся держать оружие, ты стал мужчиной. Я горжусь тобой.

Кирилл покраснел, но ничего не ответил. Они стояли вдвоём, глядя на море, и над ними, в чёрном бархате неба, горели звёзды — те самые, которые когда-то, в старом мире, они считали вечными.

Где-то далеко, за тысячи километров, армия Тени готовилась к маршу. Но здесь, в Ковчеге, жизнь продолжалась. И пока она продолжалась, надежда жила.

Глава 2. Сбор

«Армия — это не только воины. Это обозы с продовольствием, это кузнецы, которые коуют оружие, это лекари, которые готовят бинты, это женщины, которые шьют плащи, и дети, которые таскают воду. И если хоть одно звено этой цепи сломается, армия умрёт быстрее, чем от вражеской стрелы».

Неделя, которую Константин дал на подготовку, пролетела как один день. Город гудел от напряжения — не панического, а делового, сосредоточенного. Каждый знал свой манёвр, каждый понимал: права на ошибку нет.

Кузница Прохора работала круглосуточно. Старый мастер, чьи плечи с годами стали только шире, а руки — только крепче, лично ковал наконечники для стрел. Его молот, тяжёлый и точный, опускался на раскалённый металл с ритмичностью метронома. Рядом с ним, раздувая мехи, стоял Ваня — тот самый мальчишка, которого он взял под опеку после гибели его матери. За последний год Ваня вытянулся, раздался в плечах, и теперь уже не просто помогал, а работал наравне со взрослыми.

— Тяни ровнее! — рыкнул Прохор, не оборачиваясь. — Не рывками! Мехи должны ходить плавно, как дыхание.

— Я стараюсь, дедушка, — ответил Ваня, выравнивая ритм.

— Стараться мало. Делать надо.

Прохор вынул из горна раскалённую добела заготовку и положил на наковальню. Молот взлетел — и опустился, выбивая сноп искр. Заготовка начала обретать форму: плоский, с загнутыми краями наконечник, способный пробить кожаную броню. Точно такой, какие Радим заказывал перед прошлой битвой. Теперь их требовалось втрое больше.

В другом углу кузницы работали ещё двое — бывшие ученики Дедушки, которых он передал Прохору, когда сам уже не мог стоять у горна. Они ковали мечи — не такие изящные, как сабли Радима, но надёжные, острые, способные перерубить кость. У дальней стены громоздились ящики с готовыми изделиями: наконечники, клинки, подковы, детали для «Сирен». Всё это должно было отправиться с армией.

— Прохор, — в кузницу заглянул Андрей, — ты когда спал в последний раз?

— Во сне работать не могу, — буркнул кузнец. — Вот управлюсь — тогда посплю.

— Ты себя загонишь.

— Я себя знаю. — Прохор на мгновение прервал работу и посмотрел на Андрея. Его лицо, покрасневшее от жара горна, блестело от пота. — Ты лучше скажи, сколько у нас времени.

— Выступаем через три дня.

— Три дня. — Прохор кивнул. — Успею. Ванька, поддай жару!

Мехи загудели громче. Молот застучал с новой силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.